УДК 821.161.1

DOI: 10.17223/19986645/52/10

В.С. Киселев, Т.Л. Владимирова

ЖУКОВСКИЙ, РЕВОЛЮЦИЯ В ГЕРМАНИИ И ИНСТИТУТЫ ИМПЕРСКОЙ ПРОПАГАНДЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ НЕОПУБЛИКОВАННОЙ ПЕРЕПИСКИ С ВЕЛИКИМ КНЯЗЕМ АЛЕКСАНДРОМ НИКОЛАЕВИЧЕМ)

Описываются формы взаимодействия политической публицистики В.А. Жуковского с институтами имперской пропаганды. Освещение в российской прессе революции в Германии находилось под жестким идеологическим контролем, что требовало высочайшей санкции для публикации статей Жуковского, первоначально представлявших собой письма к цесаревичу. Поэт стремился расширить пространство публицистической свободы, используя более независимые каналы коммуникации. Дается новая датировка статьи Жуковского «По поводу нападок немецкой прессы на Россию». В приложении публикуются два ранее неизвестных в печати письма Жуковского к великому князю.

Ключевые слова: Жуковский, великий князь Александр Николаевич, революция в Германии 1848 г., имперская пропаганда, политическая публицистика.

За последние десятилетия много сделано в плане изучения государственной идеологии Российской империи первой половины XIX в., как официальных концепций, исходящих из придворно-бюрократической среды, так и идеологических программ, выдвигаемых отдельными группами элиты – либеральными или консервативными (см., в частности: [1–7]). Однако существенно меньше привлекает к себе внимание институциональный аспект, связанный с каналами распространения и функционирования идеологии. Это касается и института официальной пропаганды, описанного достаточно бессистемно и с большими лакунами (например: [6]). Наша статья не претендует на сколько-нибудь развернутое рассмотрение данной темы и имеет целью проанализировать один из репрезентативных эпизодов ее развития на материале неопубликованной переписки 1848 г. В.А. Жуковского с великим князем Александром Николаевичем.

До второй четверти XIX в. официальную российскую пропаганду вряд ли можно считать регулярным институтом, хотя ее значимость для консолидации общественного мнения и легитимации правительственной политики продемонстрировали события Отечественной войны 1812 г., эпохи пропагандистского взлета, когда сошлись в одном фокусе усилия придворных идеологов, составителей высочайших манифестов, авторов Военно-походной типографии, отдельных пропагандистов, вроде Ф.В. Ростопчина, и журналистики в лице «Русского вестника», «Сына Отечества», «Русского инвалида» [1. С. 15–38; 2. С. 239–266; 8–13]. Тем не менее в послевоенные годы государственная пропаганда, становым хребтом которой в европейских странах выступили официозные журналы и газеты, потеряла внут-

ренную цельность, не имея, кроме высочайших манифестов, скольконибудь постоянных печатных органов.

Этот «кризис» отражал переходное институциональное состояние словесности в целом. Система литературного патронажа, органичная для самодержавно-сословного государства, организовывала общение узкого круга субъектов власти и культурной элиты [14. С. 389–394]. Процесс нациестроительства, подстегнутый александровскими реформами и отражавший общеевропейское движение, предполагал вовлечение в коммуникацию больших масс населения и учет их интересов. Полнее всего эти задачи решала профессиональная литература, еще не сформировавшаяся в России. Ее функции частично приняла на себя система кружковой коммуникации [15], в рамках которой определенные группы дворянства, более или менее замкнутые, вырабатывали культурно-идеологические программы развития, но востребованность и влияние им придавала уже не только власть, но и общество, где крепили стремления к национальному единству, к полноценному нациестроительству, выразившиеся, в том числе и в настойчивом обсуждении проблемы национальной самобытности.

Выработка единой идеологической программы так называемой «официальной народности» способствовала консолидации пропагандистских усилий в николаевское царствование, программа была концептуально заявлена в высочайшем манифесте 13 июля 1826 г. и донесении Следственной комиссии, авторами которых явились М.М. Сперанский и Д.Н. Блудов, и развита в цельную доктрину с историческим и политическим обоснованием С.С. Уваровым в начале 1830-х гг. [2. С. 337–374; 6]. Инструментами ее пропагандистского распространения и утверждения стали четыре основных канала (не включая в это число систему образования): 1) прямые выступления двора в официальных материалах и манифестах; 2) информационная политика проправительственных журналов и газет, получавших одобрение на публикацию идеологически актуальных материалов («Московские ведомости», «Санкт-Петербургские ведомости», «Русский инвалид», «Северная пчела», в 1840-е гг. выборочно «Москвитянин»); 3) поддержка пропагандистской деятельности конкретных идеологов из литературной и научной среды; 4) цензура как инструмент контроля над альтернативными идеологическими программами.

Концепция «семейственной монархии» В.А. Жуковского, сложившаяся во второй половине 1820-х гг., была во многом близка положениям «официальной народности». Как справедливо констатировал Тимур Гузаиров, «в своей педагогической и идеологической практике поэт придерживался общей официальной линии, развивал ее смысловые интенции, подчеркивая вместе с тем ключевые для себя, но ушедшие для других в тень идеи. Не случайно в дневнике Жуковский позволял себе критические высказывания, разрушавшие ту государственную мифологию, в строительстве которой он сам участвовал» [16. С. 14]. Подобные aberrации отражали двойственный институциональный статус писателя. С одной стороны, он ощущал себя человеком, близким к императорской семье и связанным ритуалами при-

дворной жизни, в том числе в плане публичных идеологических высказываний, с другой — оставался представителем дружеской культурной среды, хранителем единства постарзамасского круга литераторов, что делало его глашатаем лояльной, но идеологически независимой дворянской элиты. В этих условиях наиболее приемлемым для Жуковского каналом обращения к широкой аудитории по общественно важным вопросам был третий, являвшийся в русской культуре рудиментом системы патронажа и предполагавшим прямое санкционирование двором или лично императором тех или иных публикаций.

Переписка Жуковского с великим князем Александром Николаевичем 1848 г. и комплекс связанных с ней материалов позволяют проследить перипетию и следствия подобного высочайшего патронажа. Письма поэта к наследнику престола были предоставлены некоей «царственной рукой» и впервые опубликованы П.И. Бартеневым в журнале «Русский архив» в 1883 г. (до 1847 г.) и в 1885 г. (1848–1850 гг.), где они сопровождалась краткими комментариями [17. № 1. С. 1–32; № 3. С. 33–56; 18. № 1. С. 7–19; № 2. С. 243–272; № 4. С. 526–540; № 7. С. 337–370]. В том же виде письма были перепечатаны П.А. Ефремовым в составе шестого тома Сочинений 1885 г. [19. С. 375–599]. Их общий корпус включал около 100 писем. В процессе подготовки материалов для эпистолярных томов Полного собрания сочинений и писем нами были найдены автографы практически всех опубликованных писем (за исключением двух: от 17 февраля и 13 марта 1848 г.). Большая их часть хранится в собрании Зимнего дворца Государственного архива РФ. Обнаруженные рукописи имеют следы редакторской правки Бартенева, осуществлявшего разбор текста. Как выяснилось, письма публиковались с большими купюрами (в рукописи отмечены карандашными отчеркиваниями), в отдельных случаях превращавшими развернутый текст в короткую записку. Самому значительному сокращению подверглись фрагменты с описанием бытовых ситуаций из жизни Жуковского и его многочисленных просьб к великому князю, однако были и пропуски, имеющие идеологический характер. Кроме того, многие письма остались неопубликованными (всего 40 автографов), в частности 15 писем за период от 12 ноября 1850 г. до 1 января 1852 г. [20].

Обнаруженные материалы проливают новый свет на творческую историю политических статей Жуковского 1848 г., в том числе на авторские стратегии их донесения до публики и высочайшую селекцию применительно к официальным идеологическим установкам. Как заметил Бартенев в кратком послесловии к начальным письмам 1848 г., «русской политической печати в то время почти не существовало, и от читающего люда тщательно скрывались эти подробности. Тем более было простору ужасающим толкам, и можно судить, какое впечатление так называемые мартовские Берлинские события должны были произвести на двор наш и на тогдашних правящих людей» [18. № 1. С. 19]. Комментатор, безусловно, преувеличил степень информационной блокады: с ходом событий во Франции и Германии рядовой русский читатель, не говоря уже о придворной среде, мог

ознакомиться из достаточно оперативных газетных сообщений «Русского инвалида», «Санкт-Петербургских ведомостей», «Московских ведомостей», «Северной пчелы» и даже провинциальных органов вроде «Одесского вестника», доступными были и парижские, берлинские, лондонские издания. Вместе с тем материалы российской печати были вторичны и в большинстве представляли собой компиляцию из иностранных газет, прошедшую через жесткую цензуру и сопровождаемую официальной интерпретацией. Она имела истоком высочайший манифест от 14 марта, где революция называлась «смутами, грозящими ниспровержением законных властей и всякого общественного устройства», «мятежом и безначалием», «разрушительным потоком», которому противостоит «Святая Русь», воплощение патриархального единства верноподданного народа и государя [21. С. 181–182].

Не будучи единственным или главным источником освещения германских событий, Жуковский обладал особым преимуществом и широко им пользовался для формирования высочайшего мнения: он находился в эпицентре событий, многому был непосредственным свидетелем, внимательно читал сообщения в немецкой прессе и хорошо ориентировался в установках тех или иных изданий, предлагая использовать их великому князю в качестве надежного источника («Советую Вашему Высочеству выписать *Die Neue Preußische Zeitung*; он весьма в хорошем смысле», неопубликованное письмо от 22 августа 1848 г. [22. Л. 232 об.]). Это положение «на кратере вулкана» было осмыслено писателем не только как историософская или экзистенциальная метафора, но и как информационная позиция «летописца европейского хаоса» [23. С. 241], подразумевающая быстрое, однако взвешенное и концептуальное осмысление происходящего, извлечение из него нравственно-политических уроков. Облекаясь в письма к наследнику престола, такая рефлексия продолжала «царскую педагогику» Жуковского.

Она далеко не во всем совпадала с мнением адресата и тем более подходила целям официальной пропаганды: фактически все политические статьи писателя первоначально представляли собой письма наследнику престола, не исключая обширного очерка «Иосиф Радовиц», но в русской прессе появился только один материал, первоначально не мыслившийся публичным – «Письмо русского из Франкфурта» [24] представлявшее собой начало письма от 17 февраля 1848 г. По поводу этой неожиданной публикации Жуковский писал в марте наследнику престола: «В “Северной пчеле” напечатан отрывок письма моего к Вашему Высочеству: это порадовало меня, потому что я из этого мог заключить, что я угадал отчасти мысли нашего Государя» (не опубликовано) [22. Л. 209 об.]. Очевидно, эта статья должна была предварить публикацию высочайшего манифеста от 14 марта (в «Северной пчеле» он был напечатан в № 59 от 15 марта), являя собой «глас русского» из самого центра событий, из опасного «кратера вулкана», где единственным спасением виделось хранительное самодержавие:

Самодержавие неограниченное, отеческое самодержавие, хранящее Божию правду, исполняющее ее для всех и каждого, берегущее все законное, все, на что дано от Богу неотъемлемое право всем и каждому, самодержавие, некогда создавшее, а теперь хранящее и одно могущее сохранить сильную самобытность русского царства; им одним и во дни всемирных бедствий сохранится наше великое отечество [24. С. 225–226].

Еще одним одобренным для публикации текстом стало письмо к П.А. Вяземскому о его стихотворении «Святая Русь». Часть его также входила первоначально в письмо к великому князю от 4 (16) июня 1848 г. [22. Л. 219–223 об.], а полный текст был отправлен высочайшему адресату отдельно через посредничество П.А. Плетнева:

Это письмо, как своеручное, так и диктованное (часть письма написана Василием Кальяновым под диктовку Жуковского. – В.К.), сообщи через Плетнева <великому> <князю> наследнику. Пускай Плетнев отправит его при письме от себя, в котором сказать, «что это письмо сообщается Ему по моему желанию. Не найдет ли он, что его будет можно напечатать (разумеется, с некоторыми выпусками)?» [25. Л. 1].

Дальнейшая судьба текста была связана с царственной цензурой. Великий князь Александр Николаевич одобрил письмо для публикации, однако с поправками, которые вносились по инициативе императора Николая I, о чем Вяземский уведомил автора в письме от 18 октября 1848 г.:

Не писал я к тебе потому, что ожидал особенных оттисков письма твоего, чтобы послать тебе экземпляр. Только третьего дня получил я их. Между тем я надеялся, что Плетнев уведомит тебя о всей процедуре помещения письма твоего в журнале. Он отправил письмо к цесаревичу, он же и получил его обратно от цесаревича с изменениями или, лучше сказать, с исключениями, признанными необходимыми государем. Жаль, очень жаль, что все сказанное тобою о протестантизме и разных других *измах*, из него истекших, подвержено было также своему *изму*, то есть остракизму. Государь нашел, что ты совершенно прав, но что слова и мнения твои могут показаться несколько жесткими нашим братьям протестантам. Как бы то ни было, но письмо твое встретило общее сочувствие и имело большой успех. Плетнев дополнит слова мои своими подробностями как личный посредник между письмом и высочайшими его цензорами [26. С. 61].

Самым существенным из них стал выпуск фрагмента о Реформации, не устроившего императора недипломатичной резкостью характеристик. Остальные сокращения касались личных обстоятельств Жуковского, не предназначенных вниманию широкой аудитории. В таком виде статья была опубликована в столичной газете «Русский инвалид» 21 сентября 1848 г. [27].

В статье выстраивается цельная историософская концепция отхождения европейской цивилизации от духа христианства (веры в святое) с указанием ведущих импульсов и этапов – вплоть до современности. Революционной Европе противопоставляется идеал «Святой Руси», вполне сохранив-

шей истинную веру и самодержавные устои, вернее, уверенность в их божественной природе, о чем подробнее Жуковский писал в неопубликованной при жизни статье «Самоотвержение власти». Как указала Л.Н. Киселева [28], интертекстуальным фоном статьи в этом плане выступало не только стихотворение Вяземского, но и все тот же общий их претекст – манифест от 14 марта, где использована формула «Святая Русь»:

По заветному примеру Православных Наших предков, призвав в помощь Бога Всемогушаго, Мы готовы встретить врагов Наших, где бы они ни предстали, и, не щадя Себя, будем, в неразрывном союзе с Святою Нашею Русью, защищать честь имени Русскаго и неприкосновенность пределов Наших [21. С. 182].

Две напечатанные в российских газетах статьи, выбранные из большого объема политической публицистики Жуковского, позволяют судить, что принципом их допуска до широкого читателя были максимальная близость к официальной позиции и обобщенная позиция верноподданного, не допускающая конкретных деталей в изображении и оценке адресата, героев или обстоятельств. Это, по сути, была не публицистика, а историософия, поскольку из нее вымывалась актуальность данного места и времени.

Но отказаться от нее Жуковский, увлеченный круговоротом немецких событий, был не в силах и искал иных, не столь зависимых от официальной пропагандистской политики каналов, которыми стали публикации в немецких изданиях. Все они были анонимными, что соответствовало принципиальной позиции писателя, с одной стороны, не выступать от лица двора, о связях с которым Жуковского было известно в немецкой журналистской среде, а с другой – соблюсти дистанцию по отношению к обсуждаемому вопросу, представляя некую типичную точку зрения русского человека в Германии. Обозначение своего имени могло быть и просто опасно в условиях революционной анархии, на что пенял Жуковский даже по поводу публикации в «Северной пчеле», далекой от Германии, «Письма русского из Франкфурта»:

Жаль, что в начале отрывка выставлено, *откуда* писано письмо; здесь *догадываются*, кто писал, а мне бы не хотелось выходить на поединок с здешними либералами, которые кричат: «Ты свободен думать, как хочешь, только думай по-нашему» (не опубликовано, март 1848 г.) [22. Л. 209 об.].

Точно так же поступал в сходной ситуации Ф.И. Тютчев, анонимно публикуя в немецких и французских газетах 1840-х гг. свои полемические статьи, по сей день еще не выявленные в полном объеме. Более того, желание противопоставить европейской антироссийской пропаганде собственную регулярную контрпропаганду выросло у поэта в конкретный проект. Как заключает Т.Г. Динесман, в мюнхенских депешах 1830–1840-х гг., в частности в меморандуме 1843 г., «следует искать истоки идеи Тютчева, осуществлению которой впоследствии, по выходе в отставку, он был готов всецело посвятить себя. Эта идея – организация систематического воздействия на

европейское общественное мнение путем консолидации европейских публицистов, известных своими симпатиями к России» [29. С. 146–147].

Комплекс анонимных немецких публикаций Жуковского, ставший предметом разысканий Н.Е. Никоновой, демонстрирует последовательную установку на разоблачение русофобских стереотипов и стремление защитить от нападок лиц, близко знакомых писателю и неоднозначно воспринимаемых и в Германии, и российским двором (Фридрих-Вильгельм IV, Иосиф Радовиц) [30. С. 237–264, 287–307]. Все эти произведения были представлены наследнику престола в письмах, хотя разрешения на публикацию при этом не испрашивалось, более того, иногда высылалась уже готовая брошюра с русским вариантом текста. В них Жуковский, соблюдая идеологическую корректность, чувствовал себя более свободным и выражал позицию не манифестарно, а полемически, хотя и не желал опускаться до уровня манипулятора общественным мнением. Выразительную картину подобных методов он рисовал в неопубликованном письме от марта 1848 г.:

Считаю необходимым послать Вашему Высочеству приложенную статью, вырезанную из здешнего издания (вероятно, «Allgemeine Zeitung». – В.К.). Вероятно, Вы иначе не могли бы иметь ее перед глазами. Посылаю ее для того, чтобы Вы видели, какие средства журналисты и действующая через них пропаганда употребляет, чтобы мутить умы и ссорить правительства с их подданными. Ложь льется потоком: выдумываются небывалые происшествия, чтобы тревожить умы, производить подозрения, чтобы представлять уже совершившимся то, чего совершиться желают; в журналах и газетах публикуется только то, что потворствует торжествующей партии, все противное ей отвергается; благонамеренность молчит и робеет. Вот тебе и свобода книгопечатания. В приложенной статье цель дела не сообщение очевидного, хотя, с одной стороны, *возбудить мятежные мысли* в дальних остзейских провинциях, полагаясь на то, что в них должно быть недовольство против правительства за последние несчастные религиозные смуты; и чтобы достигнуть вперед цели своей, *выдумывают небылицу*, чем, с другой стороны, надеются пробудить подозрительность и недоверчивость в правительстве, дабы заставить его сделать какой-нибудь шаг, оскорбительный для остзейцев, а в них произвести чрез то негодование и, в то же самое время, указать путь, какой им следует выбрать. Такова политика журналистов [22. Л. 209–209 об.].

Полемическим ответом на пропагандистские уловки Жуковский сделал свою статью, позднее озаглавленную «По поводу нападков немецкой прессы на Россию». В предыдущих собраниях сочинений она ошибочно датировалась 1850 г., но письмо к наследнику, в котором упоминается как недавняя публикация «Письма русского из Франкфурта» (12 марта) и к которому приложен русский вариант текста, позволяет отнести ее к марту 1848 г. (не ранее 6 марта – по упоминанию № 66 «Allgemeine Zeitung»)¹.

¹ Не стало, к сожалению, исключением и Полное собрание сочинений и писем в 20 томах. К моменту обнаружения письма к цесаревичу 11-й том, в который включена

Великому князю Жуковский предлагал рекомендовать ее для печати в России и акцентировать в заглавии параллельность публикации в немецкой газете:

В эту минуту приходит мне на мысль присоединить к этому письму статью, написанную мною для Allg. Zeitung. Ее перевел на немецкий язык граф Штейнбок; будет ли она напечатана, не знаю. Если даже нет, то ее можно напечатать в нашей газете, пускай будет она напечатана под заглавием: *перевод статьи, напечатанной в № Allg.<emeine> Zeitung* (если она там будет напечатана) или *перевод статьи, посланной для напечатания в Allg.<emeine> Zeitung, но там не напечатанной и доставленной нам в оригинале*. Таким образом, эта статья, если только она удостоится одобрения Государя Императора, из России перейдет в Германию (от марта 1848 г. [22. Л. 209 об. – 210 об.]).

Статья должна была зримо воплощать наличие российской контрпропаганды в Германии, ведущейся «благонамеренным лагерем».

Аугсбургская «Всеобщая газета» в политических бурях 1848 г. занимала левую позицию, здесь, в частности, регулярно публиковались Фридрих Энгельс и его единомышленники, и отражала русофобские настроения, присущие либеральной среде [32]. Впрочем, претендуя на объективность, она иногда открывала свои страницы для статей-опровержений, чем попробовал воспользоваться Жуковский, планомерно проводя мысль об отсутствии у России каких-либо планов интервенции и напоминая, какую роль сыграла она в освобождении Германии от наполеоновских войск. К сожалению, нам пока не удалось установить, была ли эта статья опубликована весной 1848 г. в «Allgemeine Zeitung», но в российскую печать она не попала. Точно соответствуя букве и духу высочайшего манифеста, призывающего только к недопущению революции в границы империи, она переходила пределы разрешенных коммуникативных форм, которые должны были быть максимально обобщенными: здесь давалась характеристика личности императора, пусть и верноподданническая («Эта политика, предписываемая здравым смыслом, есть в то же время и личный, честный характер ее нынешнего императора» [22. Л. 211]), вспоминались события Польского восстания 1830–1831 гг., говорилось о завоеваниях России и т.п. Словом, вместо редукции острых тем статья пробуждала политическую рефлексию, что делало ее неприемлемой для официальной пропаганды в столь критический момент.

Эти же особенности определили судьбу следующего публицистического сочинения Жуковского – «О происшествиях 1848 года. Письмо к графу Ш-ку». Материалы писем к наследнику позволяют высказать предположение, нам кажется, вероятное, об адресате послания, которым может быть

статья «По поводу нападок немецкой прессы на Россию» [31], находился уже в типографии. Статья имеет целью восполнить это досадное упущение.

Николай Васильевич Исаков (1821–1891), граф Штейнбок, служивший на Кавказе, отличившийся в ряде кампаний и потерявший в свои еще молодые годы ногу. С ним Жуковский познакомился зимой 1847/48 г. во Франкфурте, о чем писал великому князю 15 декабря 1847 г.:

Здесь во Франкфурте находится теперь граф Штейнбок, жалкий огрызок Кавказа. Ему достался жребий не легкий: он еще в полном развитии жизни, а уже все его будущее пропало; бедный раб своих костылей, он еще осужден на страдания жестокие; каковы его страдания, я это знаю по моему тестю. Но потерять ногу еще тяжелее, нежели руку. Сверх того бедный Штейнбок, вместо того, чтобы жить на родине и пользоваться пособиями родных своих, должен скитаться по Европе, убегая нашего сурового климата. И это не всегда удается: он ездил в Англию, чтобы заказать механическую ногу, истратился на путешествие и на покупку ноги, и вышло, что ему никак нельзя употреблять ее. А теперь, собравшись ехать на зиму в Неаполь, он занемог от воспаления в его ране, пропустил время, зима захватила его во Франкфурте, правда, холод не сильный, но будет ли ему возможно пуститься в путь, это сомнительно. Да, кажется, и в кармане его стало пусто. Одним словом, он представляет самое жалкое зрелище глазам моим [19. С. 537; 22. Л. 201 об.].

Штейнбок перевел на немецкий язык статью Жуковского для «Allgemeine Zeitung», очевидно, их отношения были дружеские и граф знал и разделял мнения поэта, что позволило адресовать ему письмо-статью, соединявшее политику и личные воспоминания, столь уместные в общении старшего с младшим (которого молва называла внебрачным сыном Николая I). Стоит отметить, что первая часть статьи вплоть до отдельных выражений основана на тексте «По поводу нападок немецкой прессы на Россию» и развивает его идеи. В момент написания первой части «Письма к графу Ш-ку» (май–июнь 1848 г.) Н.В. Исаков уже вновь находился на Кавказе. Впоследствии он был участником Венгерского похода 1849 г. Решающим аргументом в определении адресата тем не менее может стать только обнаружение автографа письма (может быть и не одного), который стоит поискать в сохранившихся архивных бумагах Исакова.

Купированная Бартеневым часть письма к наследнику позволяет точнее датировать начало работы над статьей маем – началом июня 1848 г. 4 (16) июня 1848 г. из Эмса Жуковский писал:

Но я должен кончить, иначе не успею на почту. Прилагаю копию с письма моего, которое, может быть, явится печатное в немецком переводе. Прошу у государя императора прощения за мою нескромность. Я держался более 20 лет, надобно же было когда-нибудь высказать то, что у меня на сердце. Если бы я теперь не описал того, что видел, то оно, вероятно, скоро бы умерло вместе со мною [22. Л. 223 об.].

Позднее, готовя статью к публикации, Жуковский изменил датировку первой части, представлявшей собой собственно письмо к графу Ш-ку, на

25 июня (7 июля) 1848 г., соответственно постскриптому, посвященному исполнению гимна в день рождения императора Николая I, и значительно расширил текст, добавив новый фрагмент с комментарием к газетному описанию Кельнского праздника 14–16 августа (датировано 7 (19) августа 1848 г.) и фрагмент с рефлексией по поводу брошюры Либетрута (13 (25) августа 1848 г.) [33].

Как мы видим из письма, поэт изначально не надеялся на публикацию в России статьи, посвященной интимному событию из жизни царствующего императора (это было невозможно до его смерти, впервые статья была опубликована только в 1857 г. в 10-м томе Сочинений Жуковского), однако оставлял за собой право анонимного издания в немецких газетах. Впрочем, российский читатель также учитывался – в масштабах избранного круга друзей и единомышленников. Подобный тип малотиражной публикации «для немногих» был опробован Жуковским в придворной среде еще в 1810–1820-е гг., он позволял иерархическую патронажную систему официальной пропаганды превратить в камерную кружковую коммуникацию. Поэт напечатал в немецкой типографии 40 экземпляров брошюры (один из них см. в [34]), включавшей первую, собственно эпистолярную часть статьи, и разослал их ряду друзей, в том числе Александру Николаевичу, о чем сообщал в письме от 3 (15) августа из Кронштадта (фрагмент также подвергся купированию Бартеневым):

Я отложил посылку этого письма до отправления курьера. Прилагаю здесь печатную брошюрку другого моего письма, которое вы уже получили в рукописи. Я напечатал его в нескольких экземплярах, чтобы раздать некоторым русским. Будет ли напечатано в переводе, еще не знаю. Если будет, то с приложенным здесь прибавлением и с некоторыми выпусками [22. Л. 231].

Описанный здесь состав переводного варианта соответствует выявленной Н.Е. Никоновой его публикации в приложении от 30 августа 1848 г. к № 52 газеты «*Neue Preußische Zeitung*», где текст снабжен кратким предисловием («прибавлением») и состоит из двух частей, несколько сокращенных в сравнении с окончательным текстом [30. С. 289–290; 33. С. 840–841]. О переводе, сделанном Е.А. Жуковской [35], поэт писал барону А. фон Мальтицу 9 (21) августа 1848 г.:

Тороплюсь отвечать Вам и просить Вас не затрудняться переводом моего письма к графу Ш.: оно уже переведено и будет напечатано, если его примут в «*Neue Preussische Zeitung*», которая выходит в Берлине. Перевод был сделан на моих глазах, и я сам сделал несколько поправок: многое выпустил и сделал некоторые прибавления. В этом виде письмо будет более подходящим для немецкой газеты. Моя печатная брошюра – только для русских. <...> Что касается до письма к графу Ш., я прошу Вас не называть меня его автором. Я не имею ни малейшего желания входить в какие бы то ни было личные прения с героями пера [36. С. 20] (оригинал по-французски).

Письмо к А.Я. Булгакову от того же числа предлагает любопытный комментарий к взаимоотношению каналов официальной печатной пропаганды и кружковых форматов идеологической рефлексии:

Вместо длинного письма посылаю тебе, душа моя, коротенькую брошюрку, мною здесь напечатанную для немногих русских, здешних и домашних. Два экземпляра – пошли из них один Вяземскому, другой оставь себе. Но прошу тебя, никому не давай в руки печатного; если тебе захочется, чтоб другие читали, то вели сделать список, и пускай ходит по рукам манускрипт; иначе могут подумать, что я печатаю за границею для раздачи экземпляров на Руси. Я всего на все напечатал 40 экземпляров, из которых не более десятка пойдет на родину [37. С. 1472–1473].

Для Жуковского было принципиально придать своей статье в глазах российских читателей характер частного эпистолярного высказывания, распространяемого в списках из рук в руки в ограниченной дружеской среде. Для российской диаспоры в Германии предназначался уже печатный текст брошюры, а немецкий читатель мог познакомиться с газетным вариантом. Так выстраивалась целая лестница форматов, раздвигавших границы официальной пропаганды и увеличивавших пространство публицистической свободы. Ресурсы жесткой патронажной системы, кружковой литературной коммуникации и профессиональной зарубежной журналистики представляли Жуковскому поле лавирования, и ими он активно пользовался и впоследствии.

Так, статья «Иосиф Радовиц» первоначально представляла собой длинное, долго подготавливаемое письмо к великому князю от 14 (26) апреля 1850 г. [22. Л. 308–331]. В этом виде она включала целый ряд фрагментов, сокращенных в немецкой версии, которая была опубликована в виде брошюры в Карлсруэ, очевидно, в июне 1850 г. (см. сопоставление русского и немецкого вариантов [30. С. 255–264]). Русская публикация была невозможна, поскольку не соответствовала позиции императора и двора по отношению к Радовицу [31. С. 929–932].

То же случилось и с письмом к И.Ф. Паскевичу, в котором содержалась оценка, неприемлемая для российской публичной печати, так как она исходила от частного лица. Статья «Englische und russische Politik» вышла в приложении к № 92 «Allgemeine Zeitung» 1850 г. [31. С. 919, 928–929], о чем Жуковский широко оповестил друзей, дабы привлечь к ней внимание (письма И.И. Базарову, Д.П. Северину, П.А. Плетневу, А. фон Мальтицу и др.). Не стал исключением и наследник престола, которому газета была послана 13 (25) апреля:

<...> я писал к нему (Паскевичу. – В.К.) длинное письмо совсем о другом предмете, который мог быть для него интересен, но он не удостоил меня ответа, из чего я видел, что он находится еще в Петербурге. Из моего неотвеченного письма к фельдмаршалу вышла статья, которая весьма пригodiлась в газеты: она напечатана в Allgemeine Zeitung. Прилагаю здесь этот печатный лист (купюра Бартенева) [22. Л. 306–306 об.].

Великому князю Александру Николаевичу
Март 1848 г. (не ранее 12 числа). Франкфурт-на-Майне.

Считаю необходимым послать Вашему Высочеству приложенную статью, вырезанную из здешнего издания². Вероятно, Вы иначе не могли бы иметь ее перед глазами. Посылаю ее для того, чтобы Вы видели, какие средства журналисты и действующая через них пропаганда употребляет, чтобы мутить умы и ссорить правительства с их подданными. Ложь льется потоком: выдумываются небывалые происшествия, чтобы тревожить умы, производить подозрения, чтобы представлять уже совершившимся то, чего совершиться желают; в журналах и газетах публикуется только то, что по-творствует торжествующей партии, все противное ей отвергается; благонамеренность молчит и робеет. Вот тебе и свобода книгопечатания. В приложенной статье цель дела не сообщение очевидного, хотя, с одной стороны, *возбудить мятежные* мысли в дальних остзейских провинциях, полагаясь на то, что в них должно быть недовольство против правительства за последние несчастные религиозные смуты; и чтобы достигнуть вперед цели своей, *выдумывают небылицу*, чем, с другой стороны, надеются пробудить подозрительность и недоверчивость в правительстве, дабы заставить его сделать какой-нибудь шаг, оскорбительный для остзейцев, а в них про-извести чрез то негодование и, в то же самое время, указать путь, какой им следует выбрать. Такова политика журналистов.

Не могу писать более. У меня воспаление в глазу. В «Северной пчеле» напечатан отрывок письма моего к Вашему Высочеству³: это порадовало меня, потому что я из этого мог заключить, что я угадал отчасти мысли нашего Государя. Жаль, что в начале отрывка выставлено, *откуда* писано письмо; здесь *догадываются*, кто писал, а мне бы не хотелось выходить на поединок с здешними либералами, которые кричат: «Ты свободен думать, как хочешь, только думай по-нашему».

В эту минуту приходит мне на мысль присоединить к этому письму статью, написанную мною для Allg<emeine> Zeitung. Ее перевел на немецкий язык граф Штейнбок⁴; будет ли она напечатана, не знаю. Если даже нет, то ее можно напечатать в нашей газете, пускай будет она напечатана под заглавием: *перевод статьи, напечатанной в № Allg<emeine> Zeitung* (если она там будет напечатана) или *перевод статьи, посланной для напечатания в Allg<emeine> Zeitung, но там не напечатанной и доставленной*

² Вероятно, «Allgemeine Zeitung»: «Einige Herren aus Riga und von Landadel Kurlands sind hier eingetroffen, um vorläufig zu ermitteln, in wie fern sie russischen Ostseeprovinzen auf den Beistand Preußens und Deutschlands rechnen könnten; die Sendung einer officiellen Deputation von dort ist ls bevorstehend angekündigt».

³ «Письмо русского из Франкфурта».

⁴ Николай Васильевич Исаков (1821–1891), граф Штейнбок.

нам в оригинале. Таким образом, эта статья, если только она удостоится одобрения Государя Императора, из России перейдет в Германию.

Извините, что пишу так дурно – глаза худо видят, да и бумага замарана – виноват, не разглядел, а переписывать, право, нет силы. С минуту получил письмо Олсуфьева⁵, в котором он меня уведомляет о Вашей новой милости – с благодарностию целую Вашу покровительствующую руку.

Ж<уковский>

Если надобно будет напечатать статью мою, то она может быть напечатана под тем титулом, который мил Его Высочеству.

Статья,
посланная (в немецком переводе) для напечатания в Allgemeine Zeitung, но там еще не напечатанная и нам доставленная в оригинале

К издателю Allgemeine Zeitung

В 66-м номере вашей газеты напечатано рассуждение о союзниках Германии: оно побудило меня обратиться к вам и просить вас поместить приложенную статью в одном из следующих номеров ваших. Ваша газета отличается беспристрастием и чистотою направления; теперь книгопечатание свободно: чтоб быть истинно свободным, надлежит быть справедливым. Каждому свое. Вот почему и надеюсь, что вы дадите место моей статье в страницах вашей газеты.

Во всех журналах и газетах восстают против России; с одной стороны, ужасаются той помощи, которую она может подать Германии против Франции; с другой стороны, как чудовищное привидение, тревожит всех набег казаков и башкиров, готовых растерзать Германию и принести в нее восточное варварство. По-настоящему на все это отвечать не нужно: ложные понятия сами себя опровергают; но раз навсегда надобно сказать беспристрастную правду.

Русскому царю, повелевающему народом верным и уверенным, что самодержавие монархическое для сохранения бытия его надежнее самодержавия народного, – нет никакой необходимости в союзе с Европою: он силен у себя. Во внутренность его великой державы никакой враг ворваться не покусится, помня судьбу Наполеоновой армии; вне своих границ он побежден быть не может по той простой причине, что он из них не выйдет ни для каких завоеваний, ему ненужных (не тронь никто Константинополя – Россия его не тронет). Эта политика, предписываемая здравым смыслом, есть в то же время и личный, честный характер ее нынешнего императора; как ни старается безобразить его клевета злонамеренная, Европа должна

⁵ Василий Дмитриевич Олсуфьев (1796–1858), граф, обер-гофмейстер, приближенный цесаревича.

признаться, что в его действиях нет ничего кривого и двусмысленного. Его правила: не тронь меня, я никого не трону. Что русский император не наклонил головы перед возмущившеюся Польшею, может ли за это его почитать Европа? Что бы сказала она, если бы он сделал противное? Не на его душе несправедное разделение Польши: он получил ее, как русский государь, от своих предшественников в наследство – он только сохранил и всегда сохранит неприкосновенным достояние своего царства.

Германия ни как *защитница*, ни как *союзница*, ни как *добыча* не нужна России; столь же мало нужно России быть защитницею Германии – от этого может она выиграть одну только бескорыстную славу, заплатив за нее людьми и деньгами. Но она уже имеет эту славу на все времена и может ею довольствоваться, не заботясь о приобретении новой. Эта слава, которой история у нее не отымет, есть слава той великой эпохи, когда, славив со всю Европою, покорив всех германских государей своему игу, разорив их народы, употребив их силы в пользу своего самовластия, – Наполеон с войсками всей этой Европы ворвался в границы русского царства и сокрушился об твердую волю русского царя, который сказал великое слово: *не положу оружия, покуда хотя один враг останется в пределах моих* – и сдержал это слово; слава России в пожаре ее древней Москвы, в смелом выступлении за Наполеоном из своих пределов и в громком воззвании всей Германии на соединение с нею против общего врага: слава России есть ее Александр, который два раза спас Пруссию, который был центром соединения сил Германии и воли их государей во времена всеобщей борьбы, не имевшей бы успеха без единства. В эту эпоху помощь России была спасительна для Германии: теперь Германия поносит Россию и ее боится, как некогда римский мир боялся гуннов... какие попытки на завоевания дают на это право? Но причины такого всеобщего восстания мнений против России в Германии надобно искать в другом источнике: в совершенной противоположности тех двух *оснований*, из которых на одном веками утверждена Россия, а на другом теперь вдруг стала и хочет утвердиться Германия. Об этом здесь говорить не место.

Что же касается до страха, внушаемого мнимым завоевательным честолюбием России, то он сам исчезнет, как всякое другое привидение. С спокойным невниманием к понятиям ошибочным и к клеветам злонамеренным – Россия может сказать Германии: если ты некогда спасла свою самобытность, то этим обязана ты не одному своему собственному национальному героизму, но и верному содействию России, которая в те времена стояла за тебя, как за себя. Если опять настанет время, в которое такое же бедствие посетит тебя и ты отвергнешь помощь России, Россия от этого не будет менее Россиею; она не подумает насильственно за тебя вступаться. О завоеваниях же областей твоих ей и подумать невозможно, по той причине, что такие завоевания не только ей не нужны, но и вредны: не с ее востока приходили *замышлятели всемирной европейской монархии* и приносили всеобщий деспотизм, но с *запада* – оттуда, где и прежде кричали и теперь кричат: *liberte, egalite, fraternite*. Русские же завоевания все были

для *самобытности*, а не для *всемирного владычества*: те границы, в которые Россия мало-помалу вступила, были ей *необходимы*, ибо сила нужна для самобытности; все, что для приобретения этой силы было ей нужно, то совершено. Теперь для завоеваний дальнейших никакого повода не существует: это были бы не *образовательные*, а *разрушительные* приобретения. На пограничном камне русского царства стоит: *не далее*. Для России теперь начинается новая великая эпоха ее бытия: *боевое* развитие для *безопасности* совершено; начинается *мирное* внутреннее развитие для *благоденствия*. Сие внутреннее развитие может быть произведено в ней только *самодержавием*. Самодержавие есть жизненная стихия, есть исторический путь России, то есть путь, проложенный ей Провидением. Пускай Германия идет своим путем, не понуждая Россию за нею следовать и не понося ее за ее *самобытность**. Пути различны; но цель их одна: *благоденствие народное, основанное на Божией правде*.

* Россия, с своей стороны, не подумает вмешиваться в направление Германии.

<Без даты и места>

Автограф: ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. № 1680. Л. 209–210 об. Статья – л. 211–212. Л. 212а – вырезка из немецкой газеты.

Датируется: не ранее 12 марта 1848 г. (по дате публикации в «Северной пчеле» «Письма русского из Франкфурта»).

Литература

1. *Martin A.M.* Romantics, Reformers, Reactionaries: Russian Conservative Thought and Politics in the reign of Alexander I. DeKalb : Northern Illinois University Press, 1997. 294 p.
2. *Зорин А.Л.* Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М. : Новое литературное обозрение, 2004. 416 с.
3. *Уортман Р.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии : в 2 т. М. : ОГИ, 2002. Т. 1. 605 с.; Т. 2. 796 с.
4. *Шевченко М.М.* Конец одного величия: власть, образование и печатное слово в императорской России на пороге освободительных реформ. М. : Три квадрата, 2003. 268 с.
5. *Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия* / отв. ред. А.Ю. Минаков. Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2005. 417 с.
6. *Удалов С.В.* Государственная идеология в России второй четверти XIX века: пропаганда и реализация : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2005. 236 с.
7. *Майофис М.Л.* Воззвание к Европе: литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 годов. М. : Новое литературное обозрение, 2008. 800 с.
8. *Лотман Ю.М.* Походная типография штаба Кутузова и ее деятельность // 1812 год: К столятию Отечественной войны. М., 1962. С. 215–232.
9. *Листовки Отечественной войны 1812 года* / под ред. Л.Г. Бескровного. М. : Изд-во АН СССР, 1962. 159 с.
10. *Тартаковский А.Г.* Военная публицистика 1812 г. М. : Мысль, 1967. 220 с.

11. Живов В.М. Чувствительный национализм: Карамзин, Ростопчин, национальный суверенитет и поиски национальной идентичности // Новое литературное обозрение. 2008. № 91. С. 114–140.
12. Федотова Л.В. Отечественная война 1812 года и заграничные походы в представлении журнала «Сын отечества» (1812–1814) : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2013. 265 с.
13. Мирзоев Е.Б. С.Н. Глинка против наполеоновской Франции: У истоков консервативно-националистической идеологии в России. М. : Институт бизнеса и политики, 2010. 163 с.
14. Кляйн И. Русская литература в XVIII веке. М. : Индрик, 2010. 440 с.
15. Тодд III У.М. Литература и общество в эпоху Пушкина. СПб. : Академический проект, 1996. 306 с.
16. Гузаиров Т. Жуковский – историк и идеолог николаевского царствования. Тарту : Tartu Ülikooli Kirjastus, 2007. 153 с.
17. Русский архив. 1883. Вып. 5–6. 780 с.
18. Русский архив. 1885. Вып. 1–4. 686 с.
19. Жуковский В.А. Сочинения: в 6 т. / под ред. П.А. Ефремова. 8-е изд., испр. и доп. СПб., 1885. Т. 6. 640 с.
20. Киселев В.С. Письма Жуковского к великому князю Александру Николаевичу 1850–1852 гг.: публикация и комментарий // Жуковский: Исследования и материалы. Томск, 2017. Вып. 3. С. 304–345.
21. Полное собрание законов Российской империи: Собр. 2. СПб., 1849. Т. 23. 546 с.
22. ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. № 1680.
23. Виноцкий И.Ю. Дом толкователя: поэтическая семантика и историческое воображение В.А. Жуковского. М. : Новое литературное обозрение, 2006. 328 с.
24. Жуковский В.А. Письмо русского из Франкфурта // Северная пчела. 1848. № 57 (12 марта). С. 225–226.
25. РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 1. № 62. Л. 1–2.
26. Переписка П.А. Вяземского и В.А. Жуковского (1842–1852) / публ. М.И. Гиллельсона // Памятники культуры: Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология : ежегодник 1979. Л., 1980. С. 34–75.
27. Письмо В.А. Жуковского к князю П.А. Вяземскому // Русский инвалид. 1848. № 207. 21 сент. С. 825–827.
28. Киселева Л.Н. Диалог Вяземского и Жуковского о Святой Руси // «На меже меж Голосом и Эхом» : сб. ст. в честь Татьяны Владимировны Цивьян. М., 2007. С. 137–147.
29. Динесман Т.Г. Тютчев в Мюнхене: (К истории дипломатической карьеры) // Тютчевский сборник. Тарту, 1999. Вып. 2. С. 121–201.
30. Никонова Н.Е. В.А. Жуковский и немецкий мир. М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2015. 496 с.
31. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. М. : Издательский дом ЯСК, 2016. Т. 11 (первый полутом). 1048 с.
32. Mühler G. Wie ein treuer Spiegel: die Geschichte der Cotta'schen Allgemeinen Zeitung. Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1998. 233 s.
33. Гузаиров Т. Примечания // Жуковский В.А. Полн. собр. соч. и писем : в 20 т. М., 2016. Т. 11 (первый полутом). С. 838–846.
34. ИРЛИ. Р. I. Оп. 9. № 6.
35. РГБ. Ф. 104. Карт. 1. № 3. Л. 1–2 об.
36. Шляпкин И.А. Жуковский и его немецкие друзья: Неизданные документы 1842–1850 гг. из картонного Варнгагена фон Энзе // Русский библиофил. 1912. Ноябрь–декабрь. С. 7–24.
37. Письма В.А. Жуковского к московскому почтдиректору А.Я. Булгакову // Русский архив. 1868. № 9. Стб. 1445–1483.

ZHUKOVSKY, GERMAN REVOLUTION AND INSTITUTIONS OF IMPERIAL PROPAGANDA (BASED ON THE UNPUBLISHED CORRESPONDENCE WITH GRAND DUKE ALEXANDER NIKOLAYEVICH)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2018. 52. 165–183. DOI: 10.17223/19986645/52/10

Vitaly S. Kiselev, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kv-uliss@mail.ru

Tatyana L. Vladimirova, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E mail: tatvlad@tpu.ru

Keywords: Zhukovsky, Grand Duke Alexander Nikolayevich, German revolution of 1848, imperial propaganda, political journalism, letters.

The article uses the unpublished correspondence of 1848 between V.A. Zhukovsky and Grand Duke Alexander Nikolayevich to describe the interaction of the poet's political journalism with the institutions of imperial propaganda. Propaganda efforts in the reign of Nicholas could be consolidated due to the development of the so-called official nationality ideological program, with its four main propaganda channels: 1) direct addresses of the court published in official bulletins and manifestos; 2) the information policy of pro-government magazines and newspapers approved as the sources of ideologically relevant materials; 3) support of propaganda activities of certain ideologists from the literary and scientific environment and, finally, 4) censorship as a tool of control over alternative ideological programs. Of these channels, Zhukovsky thought the third one as the most appropriate to appeal to a broad audience on socially important issues. The Russian culture considered this channel the rudiment of the patronage system. The Russian press could cover the revolutionary events in Germany only under strict ideological control. The highest sanction was required to publish Zhukovsky's articles, which originally represented letters to Tsarevich ("Letter from a Russian in Frankfurt", "Letter of V.A. Zhukovsky to Prince P.A. Vyazemsky"). The poet sought to expand the space of journalistic freedom, using more independent channels of communication: anonymous brochures published in Germany ("On the Accidents of 1848. A letter to Count Sh.", "Joseph Radovits"), materials in German newspapers ("On German press attacks on Russia", "On the incidents of 1848. A letter to Count Sh."). This was the way to construct the system of formats, pushing the boundaries of official propaganda. The resources of a rigid patronage system, coterie literary communication and professional foreign journalism gave Zhukovsky a field for maneuver, which he actively used later. In the article, the authors give a new dating of Zhukovsky's article "On German press attacks on Russia" (March 1848) on the basis of a newly discovered epistolary autograph. The appendix contains a previously unknown letter from Zhukovsky to Grand Duke dated by March 1848.

References

1. Martin, A.M. (1997) *Romantics, Reformers, Reactionaries: Russian Conservative Thought and Politics in the reign of Alexander I*. DeKalb: Northern Illinois University Press.
2. Zorin, A.L. (2004) *Kormya dvuglavogo orla... Russkaya literatura i gosudarstvennaya ideologiya v posledney treti XVIII – pervoy treti XIX veka* [Feeding the two-headed eagle . . . Russian literature and state ideology in the last third of the 18th – first third of the 19th centuries]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
3. Wortman, R. (2002) *Stsenarii vlasti. Mify i tseremonii russkoy monarkhii: v 2 t.* [Scenarios of power. Myth and ceremony in Russian monarchy: in 2 vols]. Translated from English by S. Zhitomirskaya. Moscow: OGI.
4. Shevchenko, M.M. (2003) *Konets odnogo velichiya: vlast', obrazovanie i pechatnoe slovo v imperatorskoy Rossii na poroge osvoboditel'nykh reform* [The end of one greatness: power, education and the printed word in imperial Russia on the eve of liberation reforms]. Moscow: Tri kvadrata.

5. Minakov, A.Yu. (ed.) (2005) *Protiv techeniya: istoricheskie portrety russkikh konservatorov pervoy trety XIX stoletiya* [Against the Current: Historical Portraits of Russian Conservatives of the First Third of the 19th Century]. Voronezh: Voronezh State University.
6. Udalov, S.V. (2005) *Gosudarstvennaya ideologiya v Rossii vtoroy cheverti XIX veka: propaganda i realizatsiya* [State ideology in Russia in the second quarter of the 19th century: propaganda and implementation]. History Cand. Diss. Saratov.
7. Mayofis, M.L. (2008) *Vozzvanie k Evrope: literaturnoe obshchestvo "Arzamas" i rossiyskiy modernizatsionnyy proekt 1815–1818 godov* [Appeal to Europe: Literary Society Arzamas and the Russian Modernization Project of 1815–1818]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
8. Lotman, Yu.M. (1962) Pokhodnaya tipografiya shtaba Kutuzova i ee deyatel'nost' [The mobile typography of Kutuzov's headquarters and its activities]. In: Kazakov, N., Pugachev, V. & Beskrovnyy, L. *1812 god: K stopyatidesyatiletyu Otechestvennoy voyny* [1812: To the 150th anniversary of the Patriotic War]. Moscow: USSR AS.
9. Beskrovnyy, L.G. (ed.) (1962) *Listovki Otechestvennoy voyny 1812 goda* [Leaflets of the Patriotic War of 1812]. Moscow: USSR AS.
10. Tartakovskiy, A.G. (1967) Voennaya publitsistika 1812 g. [Military journalism in 1812]. Moscow: Mysl'.
11. Zhivov, V.M. (2008) Chuvstvitel'nyy natsionalizm: Karamzin, Rostopchin, natsional'nyy suverenitet i poiski natsional'noy identichnosti [Sensitive nationalism: Karamzin, Rostopchin, national sovereignty and the search for national identity]. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer*. 91. pp. 114–140.
12. Fedotova, L.V. (2013) *Otechestvennaya voyna 1812 goda i zagranichnye pokhody v predstavlenii zhurnala "Syn otechestva" (1812–1814)* [The Patriotic War of 1812 and foreign campaigns in the presentation of the magazine Syn Otechestva (1812–1814)]. History Cand. Diss. Saratov.
13. Mirzoev, E.B. (2010) *S.N. Glinka protiv napoleonovskoy Frantsii. U istokov konservativno-natsionalisticheskoy ideologii v Rossii* [S.N. Glinka against Napoleonic France. At the origins of conservative nationalist ideology in Russia]. Moscow: Institut biznesa i politiki.
14. Klyayn, I. (2010) *Russkaya literatura v XVIII veke* [Russian literature in the 18th century]. Moscow: Indrik.
15. Todd III, W.M. (1996) *Literatura i obshchestvo v epokhu Pushkina* [Fiction and society in the age of Pushkin]. Translated from English. St. Petersburg: Akademicheskii proekt.
16. Guzaïrov, T. (2007) *Zhukovskiy – istorik i ideolog nikolaevskogo tsarstvovaniya* [Zhukovsky, a historian and ideologue of the reign of Nicholas]. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus.
17. *Russkiy arkhiv*. (1883).
18. *Russkiy arkhiv*. (1885).
19. Zhukovsky, V.A. (1885) *Sochineniya: v 6 t.* [Works: in 6 vols]. 8th ed. Vol. 6. St. Petersburg: Izdanie knigoprodavtsa Glazunova.
20. Kiselev, V.S. (2017) *Pis'ma Zhukovskogo k velikomu knyazyu Aleksandru Nikolaevichu 1850–1852 gg.: publikatsiya i kommentariy* [Zhukovsky's letters to Grand Duke Alexander Nikolaevich 1850–1852]. In: Yanushkevich, A.S. (ed.) *Zhukovskiy. Issledovaniya i materialy* [Zhukovsky. Research and materials]. Is. 3. Tomsk: Tomsk State University. pp. 304–345.
21. Russian Empire. (1849) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection 2. Vol. 23. St. Petersburg: Tipografiya Vtorogo otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo velichestva kantselyarii.
22. State Archive of the Russian Federation (GA RF). Fund 728. List 1. File 1680. (In Russian).
23. Vinitskiy, I.Yu. (2006) *Dom tolkovatelya: poeticheskaya semantika i istoricheskoe voobrazhenie V.A. Zhukovskogo* [The interpreter's house: poetic semantics and historical imagination. Zhukovsky]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

24. Zhukovsky, V.A. (1848) Pis'mo russkogo iz Frankfurta [A letter from a Russian in Frankfurt]. *Severnaya pchela*. 57 (12 March). pp. 225–226.
25. Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). Fund 198. List 1. File 62. Pages 1–2. (In Russian).
26. Gillel'son, M.I. (ed.) (1980) Perepiska P.A. Vyazemskogo i V.A. Zhukovskogo (1842–1852) [Correspondence of P.A. Vyazemsky and V.A. Zhukovsky (1842–1852)]. In: Likhachev, D.S. et al. (eds) *Pamyatniki kul'tury. Novye otkrytiya. Pis'mennost'. Iskusstvo. Arkheologiya. Ezhegodnik 1979* [Cultural Monuments. New discoveries. Writing. Art. Archeology. Yearbook 1979]. Leningrad: Nauka. pp. 34–75.
27. Russkiy invalid. (1848) Pis'mo V.A. Zhukovskogo k knyazyu P.A. Vyazemskomu [Letter from V.A. Zhukovsky to Prince P.A. Vyazemsky]. *Russkiy invalid*. 207. 21 September. pp. 825–827.
28. Kiseleva, L.N. (2007) Dialog Vyazemskogo i Zhukovskogo o Svyatoy Rusi [Dialogue of Vyazemsky and Zhukovsky on Holy Russia]. In: Ivanov, V.V. et al. "Na mezhe mezh Golosom i Ekhom": *Sbornik statey v chest' Tat'yany Vladimirovny Tsiv'yan* ["On the boundary between the Voice and the Echo": Collection of articles in honor of Tatyana Tsivyan]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
29. Dinesman, T.G. (1999) Tyutchev v Myunkhene (K istorii diplomaticheskoy kar'ery) [Tyutchev in Munich (To the history of his diplomatic career)]. In: Kiseleva, L., Leybov, R. & Yunggren, A. (eds) *Tyutchevskiy sbornik* [Tyutchev collection]. Is. 2. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus.
30. Nikonova, N.E. (2015) *V.A. Zhukovskiy i nemetskiy mir* [V.A. Zhukovsky and the German world]. Moscow; St. Petersburg: Al'yans-Arkheo.
31. Zhukovsky, V.A. (2016) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 20 t.* [Complete works and letters: in 20 vols]. Vol. 11. Pt. 1. Moscow: Izdatel'skiy dom YaSK.
32. Mühler, G. (1998) *Wie ein treuer Spiegel: die Geschichte der Cotta'schen Allgemeinen Zeitung* [Like a faithful mirror: the story of Cotta's Allgemeine Zeitung]. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
33. Guzaïrov, T. (2016) Primechaniya [Notes]. In: *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 20 t.* [Complete works and letters: in 20 vols]. Vol. 11. Pt. 1. Moscow: Izdatel'skiy dom YaSK.
34. Institute of Russian Literature (IRLI). Fund I. List 9. File 6. (In Russian).
35. Russian State Library (RGB). Fund 104. Box 1. File 3. Page 1–2 rev. (In Russian).
36. Shlyapkin, I.A. (1912) Zhukovskiy i ego nemetskie друз'я: Neizdannye dokumenty 1842–1850 gg. iz kartona Varnagena fon Enze [Zhukovsky and his German friends: Unpublished documents of 1842–1850 from the box of Vargangen von Anze]. *Russkiy bibliofil*. November–December. pp. 7–24.
37. Russkiy arkhiv. (1868) Pis'ma V.A. Zhukovskogo k moskovskomu pochtdirektoru A.Ya. Bulgakovu [Letters from V.A. Zhukovsky to the Moscow postmaster A.Ya. Bulgakov]. *Russkiy arkhiv*. 9. Columns 1445–1483.